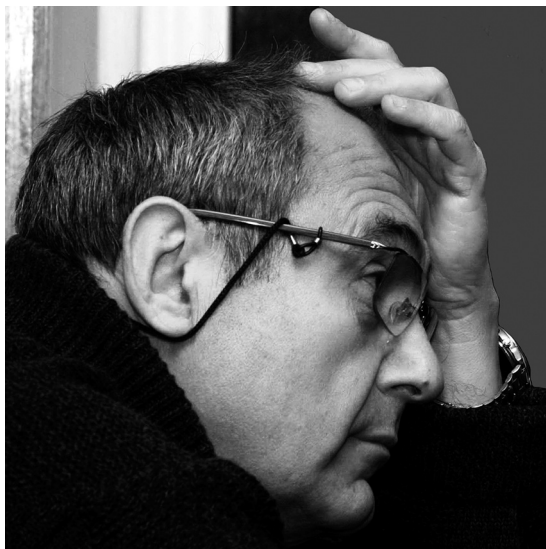

ОН ВСЕГДА БЫЛ ТОЛЬКО САМИМ СОБОЙ

Трепетное отношение к музыке Скрябина передалось мне по наследству от отца: он нередко повторял, что рафинированный изыск и интеллигентность Скрябина он предпочитает взрыву чувств и экзальтации Рахманинова.

Это отношение не менялось у меня на протяжении всей жизни, обрастая, порой, неожиданными и очень значимыми для меня ситуациями. Одна из них — поступившее несколько лет тому назад лестное предложение от голландского Schönberg Ensemble оркестровать одно из сочинений А. Скрябина. Выбор сочинения не представлял сложностей: предлагалась Десятая соната, один из самых удивительных скрябинских opus'ов, самим Создателем предназначенный для воплощения в оркестре или, в крайнем случае, в составе, подобном Schönberg Ensemble. Вихрь мыслей в голове: здесь же

...и поэтические скрябинские (?) звучания,

и скрябинская же (?) поэтика,

и скрябинская же (?) тонкая (!) оркестровка. Предполагаемая...

скрябин(ская?)-(ское?)...

!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

...со-автор...

Пока будущий оркестратор, автор этих строк, предавался сладостным мечтам по поводу предстоящего общения со скрябинской музыкой, из Голландии пришла кассета с записью Десятой сонаты, оркестрованная кем-то из голландских коллег. К кассете была приложена и партитура, присланная в качестве эталона.

Или в качестве примера для подражания...

Память не сберегла имя, сотворившего подобное — внутренний computer упорно отказывается хранить информацию со знаком минус. Вспоминается лишь вырванный из контекста кусок партитуры с роялем solo (sic!) и ощущение полнейшей бессмысленности увиденного.

Целиком же работа поражала беспомощностью, отсутствием профессионализма, логики и фантазии. Частые удвоения струнных деревянными, несуразные в ансамблевой фактуре, шокировали своей плоскостью и тривиальностью, а более чем робкое использование инструментальных solo, столь естественных в данном контексте, видимо, пугало голландского коллегу своей «открытостью». Список подобного рода топорных решений можно было бы продолжить.

Особенное же сомнение в ценности подобной аранжировки вызывало решение эпизодов, где скрябинская фактура с трудом укладывалась в ансамблевую. В подобных случаях ансамблевая ткань либо попросту

дублировалась роялем, что само по себе уже являло nonsense, либо полностью перепоручалась... роялю же!

Вооруженному-Опытом-Со-Знаком-Минус казалось, что в работе над инструментовкой не должно возникнуть особенных трудностей. И действительно, за довольно короткий срок было исписано довольно большое количество партитурных листов. И вместе с тем не покидало странное ощущение, что «все хорошо, да что-то нехорошо!»

«Сон разума рождает чудовищ!»

Взаимоисключающие стремления — оркестровать «не как А. Скрябин» и подсознательное сделать «как автор» — дали результат со знаком минус.

Время шло, и постепенно возникло желание, не появившееся ранее, прослушать сонату в записи. Прорезался некий антеев комплекс — *прикоснуться* к звучащей музыке, подсознательная тяга почувствовать силу матери и уйти под ее защиту.

Первая же прослушанная запись оказалась поистине бесценной и не оставила места для других — исполнение Десятой сонаты Владимиром Горовицем показалось конгениальным скрябинскому opus'у.

Был ли это А. Скрябин — или уже... не А. Скрябин?

Музыка сонаты осталась скрябинским opus'ом, но была одновременно, как бы *заново* переписана В. Горовицем — нота в ноту, слово в слово,

буква в букву. Звучало нечто совершенно ошеломляющее — все авторские намеки-полунамеки, тайные мысли, сублимированные желания, все зашифрованные отправные точки были доведены до логического конца, авторский замысел был раскрыт и довершен до идеала, до полного совершенства. Даже и не А. Скрябин — В. Горовиц, но В. Горовиц — А. Скрябин в самом высоком, поэтическом смысле этого понятия.

Так борхесовский Пьер Менар становится автором «Дон Кихота», прочувствовав, прожив на свой лад жизнь Мигеля де Сервантеса...

Два хрестоматийных примера переложений клавирной музыки — М. Мусоргский—М. Равель и И.С. Бах—А. Веберн — глубоко индивидуализированы, и подход к решению проблемы в обоих сочинениях совершенно различен. Объединяет их лишь одно — оба они абсолютно бескомпромиссны и *бесстыдны в присвоении авторства* и «Картинок с выставки», и Фуги-ричеркаты.

...для этого нужно быть всего лишь М. Равелем и А. Веберном... Мне же предстояло стать... Пьером Менаром.

С насмешкой и иронией было просмотрено все сделанное раньше и безжалостно отринуто — персонаж Х. Борхеса диктовал идею и определил стратегию!

А уж решать чисто технические проблемы было просто удовольстви-

ем. Постепенно выстроился ряд, зафиксированный в черновиках, где каждый пункт стал неким постулатом:

1. В партитуре не должно быть piano.
2. Число ударных должно быть сведено к минимуму: гипертрофированная *batteria* в музыке XX века сегодня не только *mauvais ton*, но и не востребована самой музыкой. Ни в коем случае не должен быть использован *vibrafono*. Но — обязательно! — *mammut marimba* с *C* большой октавы, *timpani*, *campanelli* и один (!!!) удар высокого *tom-tom'a*. Что еще!!!!!!
3. В одном из ключевых моментов формы, скорее всего в генеральной кульминации, должен появиться совершенно новый, «свежий», ранее еще не прослушанный тембр. *Soprano?*..
4. Дифференцировать кларнеты в различных строях: *clarinetto in A* — звучность более темная, бархатная и *clarinetto in B* с более реальной, более осязаемой звучностью.
5. Обязательно использовать *oboe d'amore* — инструмент, идеально подходящий для музыки Пьера Менара.
6. Использовать...

Все эти заготовки стали необходимым строительным материалом и были в дальнейшем применены в попытках

выстроить линию А. Скрябин — В. Горовиц — Пьер Менар.

Линия выстраивается на глубочайшем пиетете к Музыке — не потерять ощущение Личности, не подражать, не продолжать — «нельзя дважды зайти в одну и ту же реку».

Он всегда был только самим собой, и линия Его трагически оборвалась вместе с музыкой.

Десятая соната... Гениальное озарение, «эврика!», — так неотшлифо-

ванный алмаз из бесконечной россыпи богатейшего месторождения ждет своего часа, пока не наступит время его огранки.

Нет необходимости перекидывать мостки в прошлое, занимается заря сегодняшнего дня, до вечера еще далеко, и будущее наступит нескоро.

И еще раз: глубочайший пиетет к Личности — не потерять ощущение Музыки...

Фарадж КАРАЕВ